

АЛЕНА ЮДНИКОВА
(Кострома)

ХРОНОТОП КАК ФАКТОР ЦИКЛИЗАЦИИ В КНИГЕ ОЧЕРКОВ Б. К. ЗАЙЦЕВА «АФОН»

Статья посвящена анализу специфики пространственно-временных связей в книге очерков Б. К. Зайцева «Афон». Рассматривается циклообразующая функция хронотопа и связанная с ней жанрово-стилистическая уникальность цикла. Делается вывод об идейно-философском подтексте книги, который проявляется лишь при целостном ее восприятии.

Ключевые слова: Б. К. Зайцев, Афон, хронотоп, пространство, время.

Информация об авторе: Алена Александровна Юдникова, аспирант Костромского государственного университета; ассистент кафедры отечественной филологии Костромского государственного университета, Кострома, Россия.

E-mail: alionaku1992@mail.ru

Chronotope as a Factor of Cyclization in the Book of Essays „Athos“ by B. K. Zaitsev

The article is devoted to the analysis of the specifics of spatio-temporal relations in the book of essays by B. Zaitsev „Athos“. The cycle-forming function of the chronotope and the genre-stylistic uniqueness of the cycle associated with it are considered. The conclusion is made about the complex ideological and philosophical subtext of the book, which becomes clear only with its holistic perception.

Key words: B. Zaitsev, Athos, chronotope, space, time.

About the author: Alena Yudnikova, PhD student, Kostroma State University; assistant of the Department of Russian Philology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, Kostroma, Russia.

E-mail: alionaku1992@mail.ru

DOI 10.48612/sum-2022-18-3-4-330-354

В дневнике Бориса Константиновича Зайцева от 1 мая 1941 года сделана запись: «Всегда мне казалось, что

жизнь — это смена путешествий, вплоть до последнего».¹ Представляется, что эти слова не только дают ключ к миропониманию писателя, но и указывают на особую значимость в его прозе «хронотопа дороги»,² или «пути». Данное понятие, введенное М. М. Бахтиным в проекции на жанр романа, не девальвировалось и в современном литературоведении, но даже существенно расширило свое значение. Такие исследователи, как Ю. М. Лотман,³ Д. С. Лихачев,⁴ В. Н. Топоров,⁵ В. Е. Хализев⁶ и др. не только конкретизировали и детализировали классификацию хронотопов, предложенную Бахтиным, но и уточнили роль пространственно-временных отношений в художественных текстах разной жанровой природы, позволив тем самым исследовать функции хронотопа и в жанре очерка. Заметим, что изучение «хронотопа» в рамках теории литературы базируется в основном на следующем тезисе Бахтина: «Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп».⁷ Именно такая трактовка пространственно-временных связей позволяет исследователям не ограничиваться рамками, заданными Бахтиным, но использовать понятие для рассмотрения жанровых, идейных, художественно-эстетических особенностей как отдельного произведения, так и творчества автора в целом: «Хронотоп — неотъемлемый компонент построения индивидуально-авторской картины мира писателя. Он определяет особенности метода, стиля,

¹ *Зайцев Б. К.* Дни 1939–1972 // Собр. соч.: В 11 т. М., 2000. Т. 9. С. 187.

² *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 392.

³ *Лотман Ю. М.* Символические пространства // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 239–296.

⁴ *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971.

⁵ *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–285.

⁶ *Хализев В. Е.* Время и пространство // Хализев В. Е. Теория литературы: Учебник. М., 2004. С. 229–233.

⁷ *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. С. 235.

способствует отражению своеобразия национального мышления художника слова».¹

Современное литературоведение существенно расширило понимание термина «хронотоп»: «с узкоспециальным значением соединилось философское осмысление понятия».² В нашем исследовании вслед за В. Е. Хализевым хронотопом мы будем называть единство временных и пространственных представлений, запечатлеваемых в литературе.³ Методологическим ориентиром для нас станет и вывод исследователя о том, что «хронотопическое начало литературных произведений способно придавать им философический характер, „выводить“ словесную ткань на образ бытия как целого, на картину мира...»⁴ Кроме того, мы солидаризируемся и со следующими утверждениями названного учёного: «Время и пространство запечатлеваются в литературных произведениях двояко. Во-первых, в виде мотивов и лейтмотивов (преимущественно в лирике), которые нередко приобретают символический характер. Во-вторых, они составляют основу сюжетов».⁵

Некоторые особенности хронотопа в творчестве Зайцева рассматривались в работах таких исследователей, как Н. Б. Глушкова,⁶ В. Т. Захарова,⁷ М. Б. Баландина.⁸ Однако до настоящего времени хронотоп в эмигрантской прозе писателя в качестве особого фактора циклизации еще не изучался. А между тем, как справедливо подчеркивал Бахтин, именно «хронотоп определяет единство литературного произведения».⁹

¹ Темирболат А. Б. Категория хронотопа в свете современных научных концепций литературоведения // Филологические науки в России и за рубежом: Материалы I Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). СПб., 2012. С. 7.

² Фаликова Н. Э. Хронотоп как категория исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1992. Вып. 2. С. 46.

³ Хализев В. Е. Время и пространство. С. 230.

⁴ Там же. С. 230.

⁵ Там же. С. 230.

⁶ Глушкова Н. Б. Паломнические «хождения» Б. К. Зайцева: Особенности жанра: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999.

⁷ Захарова В. Т. Поэтика прозы Б. К. Зайцева. Нижний Новгород, 2014.

⁸ Баландина М. Б. Художественный мир Б. Зайцева: поэтика хронотопа: Дисс. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2003.

⁹ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. С. 391.

Согласно Т. В. Котович, «время-пространство представляет собой основу архитектоники произведения искусства, хронотоп выступает в качестве системы координат произведения».¹ В свою очередь мы постараемся выявить специфику пространственно-временных образов, созданных в книге очерков Зайцева «Афон», и показать их циклообразующую роль.

Методологической основой нашего исследования стали работы Ю. В. Лебедева,² посвящённые поэтике очерковых циклов, созданных в русской литературе XIX века.

Используя терминологию словаря тартуско-московской семиотической школы, в книге «Афон» можно выделить:

1. топографический хронотоп, связанный с «элементами авторского идейно-эмоционального отношения к отображённой действительности»;³

2. психологический хронотоп, в котором отмечается переход «из одного душевного состояния в другое»;⁴

3. метафизический хронотоп, который «составляет эстетическое значение образа, <...> определяет идейное осмысление текста, в том числе пространства и времени».⁵

В работе Баландиной, посвященной поэтике хронотопа в текстах Зайцева, делается справедливое замечание, что в своих произведениях писатель создает «оригинальную модель подвижных взаимообусловленных отношений: Пространство — Время — Человек».⁶ Репрезентацию этой модели мы находим в путевых очерках, посвященных паломничеству на Афон. Именно это триединство становится циклообразующим элементом книги, что намечается уже в авторском

¹ Котович Т. В. Развивая теорию хронотопа // Хронотоп и окрестности: Юбилейный сборник в честь Николая Панькова (Chronotope and Environs: Festschrift for Nikolay Pan'kov) / под ред. Б. В. Орехова. Уфа, 2011. С. 135.

² Лебедев Ю. В. У истоков эпоса: (Очерковые циклы в русской литературе 1840–1860-х годов): пособие для слушателей спецкурса. Ярославль, 1975.

³ Тороп П. Х. Словарь терминологии тартуско-московской семиотической школы. См.: <http://slovar.lib.ru/dictionary/hronotop.html> (дата обращения — 12.08.2022).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Баландина М. Б. Художественный мир Б. Зайцева: Поэтика хронотопа: Дисс. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2003. С. 45.

предисловии. Мотивы, заявленные писателем в самом начале, получают развитие в дальнейшем. В результате — очерки образуют единую философско-эстетическую концепцию.

В предисловии к своей книге Зайцев обозначает отправную точку путешествия — все, описанное им, является проекцией его индивидуально-авторского взгляда: «Я был на Афоне *православным человеком и русским художником*. И только. <...> В этой небольшой книжке я пытаюсь дать ощущение Афона, как я его видел, слышал, вдыхал».¹ С первых страниц книги начинается складываться единая концепция: субъективный взгляд на Афон «православного человека» и «русского художника». Таким образом, Зайцев ориентирует читателя на особую рецепцию своего творения. Восприятие Святой Горы «православным человеком» и «русским художником» будет попеременно проявляться в системе пространственно-временных отношений. Е. В. Воропаева, рассуждая по поводу авторской «точки зрения» в цикле, указывает на то, что «тайная миссионерская „сверхзадача“ книги — приобщить читателя к миру православного монашества — глубоко скрыта под внешне ярким, как бы сугубо светским описанием Св. Горы».² Таким образом, она отмечает свойственный Зайцеву эстетический способ религиозного познания, который и определяет специфику взгляда «русского художника». Кроме того, термин «духовный реализм», введенный А. М. Любомудровым для характеристики творческого метода писателя, также соотносится с выражением «русский художник». В своей книге исследователь пишет: «Духовный реализм — художественное восприятие и отображение реального присутствия Творца в мире».³

Согласно Воропаевой, «главной движущей силой на этом пути, объединяющей все своим лирическим пафосом, явля-

¹ Зайцев Б. К. Афон // Собр. соч. Т. 7. Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. С. 77; курсив наш — А. Ю. далее ссылки на этот том будут даваться в тексте с указанием страницы.

² Воропаева Е. В. «Афон» Бориса Зайцева // Литературная учеба. 1990. № 4. С. 33.

³ Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб., 2003. С. 6.

ется сам автор „Афона“. Человеческий облик Бориса Зайцева играл немалую роль в избранной им теме». ¹ Исходя из этого, в ходе анализа поэтики книги очерков «Афон» не следует дистанцироваться от личности писателя и правомерно употреблять термин «автор» наряду с такими терминами как «повествователь», «путешественник», «паломник», что коррелирует со спецификой жанра паломнического очерка, который имеет генетическую связь с древнерусскими хождениями (хождениями). Н. В. Крайнова, анализируя поэтику паломнических очерков, делает вывод: «Разновидность путевого очерка паломничество (путешествие по святым местам с молитвенной целью) имеет предметом отображения действительность, концентрирующую в себе характерные особенности жанра: передача личного авторского восприятия. Уже в древнерусском хождении роль автора заметно выделялась». ² На центральную авторскую фигуру в этом жанре указывали Н. И. Прокофьев, ³ Г. М. Прохоров, ⁴ а также О. И. Хайруллина, которая отмечала, что в паломническом очерке именно «авторским религиозным и личным видением проникнуто все повествование». ⁵

В связи с этим можно говорить о том, что циклообразующая роль «хронотопа пути» в «Афоне» заключается не только в своеобразном выстраивании сюжета «путешествия», но и в выражении авторской эмоциональности и аксиологии. Таким образом, время и пространство в интерпретации

¹ Воронаева Е. В. «Афон» Бориса Зайцева. С. 33.

² Крайнова Н. В. Роль автора в путевом паломническом очерке // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты. Материалы V Международной научной конференции. Тольятти, 2015. С. 211.

³ Прокофьев Н. И. Хождение: Путешествие и литературный жанр // Книга хождений: Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984. С. 12.

⁴ Прохоров Г. М. Игумен Даниил и его «Хождение» в русской духовной традиции // Доклад на Международной научно-общественной конференции «Иерусалим в русской духовной традиции». См.: http://www.religare.ru/2_27295.html (дата обращения — 03.10.2022).

⁵ Хайруллина О. Н. «Путешествие ко святым местам в 1830 году» А. Н. Муравьева: черты паломнического очерка // Материалы конференции «Диалог литератур в условиях межкультурного общения». Дальневосточный гос. гуманитарный ун-т, 2006 / С. 30.

писателя субъективно окрашено. Иными словами, возникает так называемый «психологический хронотоп».¹ О. Г. Егоров в работе, посвященной русским литературным дневникам XIX века, характеризует этот феномен как «факт сознания, который <...> является субъективным продуктом психики автора».² Данное понимание пространственно-временных отношений мы соотносим со спецификой хронотопа в путевых очерках и связываем с их жанрово-стилистическим своеобразием. Известно, что, находясь на Святой Горе, Зайцев вел записную книжку, которая в значительной степени напоминает дневник. В дальнейшем, при работе над очерками, путевые впечатления совмещаются с философскими размышлениями, которые породило пребывание на Афоне, что создает произведение, оригинальное с точки зрения жанровой формы. Кроме того, в традиционный для паломнических очерков рассказ о святом месте вплетаются элементы дневниковой прозы, выражающиеся в самоанализе, наблюдении и описании личных переживаний: «Было слегка смешно, слегка неловко, главное же, ни на что не похоже, разве на какой-то сон» (85). Таким образом, человек становится «центром, организующим звеном, соединяющим все возможные ипостаси пространства и времени».³ Исходя из этого, организована образно-топонимическая система очерка: Афон предстает как проекция взгляда автора. Святая Гора по мере продвижения повествования становится «местом разворачивания смыслов».⁴ Так, «метафизический хронотоп»⁵ проявляется уже в предисловии, где Зайцев уходит от локального, фактологического восприятия Афона (то есть от

¹ *Тороп П. Х.* Словарь терминологии тартуско-московской семиотической школы.

² *Егоров О. Г.* Литературный дневник XIX века. (История и теория жанра): Дисс. ... д-ра филол. наук. М. 2003. С. 27.

³ *Баландина М. Б.* Художественный мир Б. Зайцева: поэтика хронотопа. С. 50.

⁴ *Субботина Т. В.* Локус, топос, урбоним, микропоним: к вопросу о содержании пространственных понятий // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. № 24 (239). Вып. 57. С. 111.

⁵ *Тороп П. Х.* Словарь терминологии тартуско-московской семиотической школы.

«топографического хронотопа»¹) и делает его концептуально-смысловым пространством: «Это как бы остров молитвы. Место непрерывного истока благоволения» (76). В первом очерке «Встреча» этот мотив актуализируется: «...вот он, наконец, дальний, загадочный Афон, Святая Гора — я плыву к ней вторую неделю. <...> Неприветливо меня встречает Афон. Что-то грозное есть в этой горе, обрывом срывающейся в море, ветхозаветно-грандиозное. Волны кипят у ее оконечности. Нашу „Керкиру“ начинает швырять. Точно бы кто-то, трубящий в огромный рог, отнимая его на минуту, гремит: „Хочешь видеть адамантовую скалу? Вот она! Но велик и страшен Бог!“» (77). Этот вопрос, вероятно, задает себе сам герой, а в дальнейшем, путешествуя по острову, знакомясь с монахами, слушая легенды о великих афонских подвижниках, он постоянно будет размышлять, проникся ли особенным духом афонского христианства, прикоснулся ли к истине или остался лишь сторонним созерцателем.

Ответы на вопросы автор дает в финальном очерке, где рассказывает о прощании со Святой Горой. Кольцевая композиция позволяет Зайцеву не только логически завершить свое путешествие на Афон, но и проанализировать те изменения, которые произошли с ним за 17 дней пребывания там. Описывая постепенное удаление от острова, писатель не готов разорвать внутреннюю связь с афонским миром, поэтому, наблюдая изменения морского пейзажа, думает: «Верно, у нас, у Святого Пантелеймона идет уже утренняя» (146; курсив наш — А. Ю.). Так, образ Афона имеет экзистенциальное значение в идейном мире произведения. Но в то же время он становится композиционным ядром, притягивающим темы и мотивы, которые не распадаются на хаотичные замечания и наблюдения о монастырях и насельниках Святой Горы, а встраиваются в общий нарратив цикла.

Для автора Афон — пространство уединения и покоя, хранилище главной ценности — православной веры: «...он полон христианского благоухания, т. е. милости, а не злона, любви, а не угрозы. Афон не мрачен, он светел, ибо

¹ Там же.

влюблен, одухотворен» (76). Вековая история Святой Горы является для писателя признаком постоянства. На протяжении всей книги Зайцев подчеркивает это, наделяя Афон эпитетами: «вековой», «тысячелетний», «древний». Также автор дает точные датировки возникновения монастырей и монастырских скитов с указанием на их древность: «С седьмого века стали селиться здесь иноки (по окончании великого переселения народов)» (80), или «Вторую тысячу лет не знает эта земля никого, кроме монахов. Около тысячи лет <...> не ступала на нее нога женщины» (81). Так реализуется «линейный хронотоп, выражающий идею историзма, поступательного движения от прошлого к настоящему и будущему».¹ Древность Афона и долгое существование на нем православных монахов, сохранившееся до времени прибытия на остров Зайцева, дают герою надежду, что увиденное им (а именно, истинная вера в Бога и служение ему) не перестанет существовать на острове так же, как и сам остров не пропадет в пучине истории. Особенно ярко это проявляется в рассказе Зайцева об «имяславцах» и введении новогреческого устава в жизнь монастырей. Таким образом, создается временная вертикаль: от зарождения православного Афона до настоящего времени и устремления в будущее.

Постепенно взгляд «православного человека» сменяется у Зайцева на оптику «русского художника». С одной стороны, писатель явно чувствует присутствие Бога везде: «Горы, ветры, леса, кое-где виноградники и оливки, уединенные монастыри с монахами, уединенный звон колоколов, кукушки в лесах, орлы над вершинами, ласточки, стаями отдыхающие по пути на север, серны и кабаны, молчание, тишина, море вокруг.. и Господь надо всем, — вот это и есть Афон» (80). И в то же время, мирозерцание художника, позволяет увидеть в этом месте холмы «тысячелетней Трои», «тени былого», «облик неповторимого», то есть дохристианскую эпоху: «Если же обернусь направо, то за изящной колокольней Собора, за изголуба-мреющим

¹ *Темирболат А. Б.* Категория хронотопа в свете современных научных концепций литературоведения. С. 8.

стеклянным заливом вдалеке, почти на краю земли, увижу трехголовый, бело-златистый снеговой Олимп — как некий легкий ковчег Эллады» (143). При этом стены монастыря, «увешанные портретами императоров, цариц, митрополитов, посланников» (143), в воображении писателя рисуют картины заседаний «великих князей и архиереев, консулов и богатых покровителей монастыря из России» (143), которые «должно быть, спят уже теперь вечным сном» (144). В данном случае образно воплощается «ситуация покоящегося пространства и остановленного времени», а организация пространственно-временных отношений выливается в создание «хронотопа вечности»; время в таком типе хронотопа «существует все сразу», а пространство в свою очередь становится «состоянием, в котором одновременно потенциальны все пространства».¹

Как видим, образ Святой Горы не замыкается только в метафорическом воплощении веры, а становится порталом в мировую культуру. Зайцев многогранно очерчивает «культурный ландшафт», благодаря которому повествователь получает возможность мысленно переноситься в другие времена и эпохи, вспоминать древнюю Элладу, странствия Одиссея и, что самое важное, покинутую Россию: «Старинный сладковатый запах, хорошо натертые полы, чистые половички... — тот образ давней, навсегда ушедшей Руси, что отводит к детству, быту и провинции» (89). Это уточнение в предисловии о взгляде «русского художника» на протяжении всей книги актуализируется в «пространственном мифе»² утраченной России.

Писатель понимает, что вернуться на родину не сможет, она ушла навсегда, остались лишь разрозненные воспоминания о ней: «Жасмин — Россия, детство, „мама“ — то, чего не будет никогда» (89). Эта мысль о навсегда утраченной родине, которую на Афоне в истинном православии хочет вновь обрести Зайцев, становится лейтмотивом повествования.

¹ Там же. С. 7.

² *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 29; курсив наш — А. Ю.

Об этом пишет А. А. Лазарев: «В современное автору коннотативное поле православной культуры „Россия духа“ вошла не в форме абстрактных мыслеобразов прошлого, но в контексте чувственно-осязаемых и зримых реалий настоящего».¹ В контексте очерка «реалиями настоящего» становится Афон, пространство которого по мере продвижения сюжета расширяется. Подобно тому, как стираются зримые рубежи острова, нивелируются внутритекстовые границы очерков. При этом параллельно идет «расширение» смыслового ядра хронотопа «родина»,² создается «ментальновоображаемый образ покинутой России».³ Происходит своеобразное «наложение» пространственных образов воображаемой России и зримого Афона, вследствие чего возникает концептуально значимый образ Святой Руси, выступающий циклообразующим элементом книги, являющийся также одним из ключевых в контексте творчества эмигрантского периода Зайцева.

Именно желание увидеть «прежнюю Россию» становится побуждающим мотивом к предпринятому писателем путешествию. Но, даже находясь на Афоне, улавливая запахи, образы, звуки утраченной родины, Зайцев не может вернуться туда в действительности. Таким образом, «хронотоп пути», о котором мы писали выше, реализуется не только в физическом путешествии из одной точки в другую, но и в ментальном странствии. Таким образом, в цикле идейно значимым становится путь, а не собственно точка прибытия. Отсюда это внимание к собственной внутренней жизни, к своим впечатлениям и мыслям, придающее повествованию лирический тон, избавляющее от строго описательного рассказа. Зайцев в своих очерках не столько хочет достоверно, в деталях, рассказать о реальной Святой Горе, сколько поделиться тем, как повлияло на него путешествие-паломничество. Подтверждение этому можно найти в записной книжке писателя и в его письмах к жене, где он, например, пишет:

¹ Лазарев А. А. Паломнические стратегии Б. К. Зайцева периода эмиграции: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2022. С. 14.

² Жаравина Л. В., Лазарев А. А. Российский хронотоп в духовном измерении русской эмиграции (1920–1930-е гг.) // Славянские чтения: Научно-теоретический журнал. 2018. № 12(18). С. 161.

³ Там же. С. 162.

«Дорогой друг, путешествие это довольно фантастическое, впечатлений много, но они все пестры и разорваны, такой цельности, как бывало, когда мы с тобой ездили по Италии, нет».¹ Именно «впечатления» от «путешествия» становятся важной составляющей данного цикла и определяют специфику пространственно-временных связей.

В образно-топонимической системе присутствует повторяющаяся антитеза, которая проходит через все повествование и выполняет интегрирующую функцию: образу вечной Святой Горы, про который автор пишет: «...смысл его есть „пребывание“, а не движение, Афон созерцает, а не кипит и рвется» (76), — противопоставлен образ моря как постоянно изменяющейся стихии. М. Б. Баландина отмечает, что «важным организующим началом художественного пространства в произведениях Зайцева являются природные стихии: ветер, метель, огонь, вода; лунарные и солярные образы».² В очерковом цикле «Афон» море помогает реализовать «хронотоп пути», так как путешествие Зайцева на Афон и по его монастырям проходит преимущественно морским путем. Так, образ моря в очерке постепенно перерастает в лейтмотив, на который как бы нанизываются сюжетные элементы. В то же время символ моря является пространственной константой очерка. Описания морских пейзажей подчеркивают изменчивость этой стихии, ее необузданность. Море является не только пространственно-пейзажным элементом, сюжетно-композиционным стержнем, но и многозначной метафорой, выражающей представления писателя о жизни человека и месте личности в этом мире. В очерке «Встреча» Зайцев описывает внезапно разыгравшуюся бурю. Прежде чем вступить на земли Афона, нужно пройти «обряд омовения», который является традиционным на Святой земле при входе в храм. После прибытия паломник начинает многотрудный путь постижения истинной жизни, ему необходимо как бы смыть с себя все «мирское» и открытой чистой душой впитать воздух Афона, пропитанный верой

¹ Зайцев Б. К. Письма 1923–1971 гг. С. 35.

² Баландина М. Б. Художественный мир Б. Зайцева: поэтика хронотопа. С. 47.

и смирением: «Весь переезд море было покойно, теперь качка усиливается. Чаще летят в лицо брызги, но все стою, все смотрю. <...> Чем ближе подходим, тем яростнее ветер. Теперь видны уже верхи холмов всего полуострова афонского, все забиты клубящимися тучами, холод и влага летят оттуда» (77). Так, море выступает оградительной силой и в то же время оно оказывается единственным связующим звеном «острова молитвы» и земной жизни. Если в начале книги море проверяет героя на прочность, преграждая ему путь к Святой Горе, то в завершающем цикл очерке оно становится связывающей нитью с навсегда покинутым «островом молитвы»: «Надо мной, над спящим человечеством корабля, над мирными бутылками оливкового масла и рядами ящиков летит черный дым из трубы, уходит мрачным следом к Афону. Туда же ведет бледно-серебристый путь за кормой со вспыхивающими синими водяными искрами — игра фосфора южных морей. <...> Это самое море видно из окон храма Покрова Богородицы» (146). На этом функция морской стихии не исчерпывается, образ моря наделяется также экзистенциальным звучанием. Изменчивое, непостоянное, безграничное, способное поглотить и в то же время вынести на берег море связано с осмыслением человеческой жизни. Остро переживая все исторические и культурные изменения своей эпохи, автор не может ощутить «почву» под ногами, и переменчивое море, во власти которого находится герой, символизирует авторское восприятие мира и себя в нем. Для Зайцева поездка на Афон становится также поиском себя, попыткой обретения внутренней опоры. Отметим, что поездки к Святым местам в XX веке были довольно распространены среди творческой интеллигенции. Так, А. А. Моторина в работе, посвященной традиции паломнических хождений в русской литературе отмечает: «С начала XX века и на протяжении всей советской эпохи жанр паломнической прозы продолжает развиваться в творчестве писателей русского зарубежья. В произведениях И. А. Бунина, И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева лирические переживания автора-повествователя, отражающие проблемы современной ему действительности, переплетаются с многовековым паломническим опытом предыдущих столетий, образуя сложное

художественное соединение настоящего и прошлого, времени и пространства».¹

Рассказывая о подарках, которые автору удалось довести домой, называя их «милыми знаками», он пишет: «Я их храню и буду хранить, как память о Божьем месте, где довелось побывать» (145). Можно предположить, что эти подарки для писателя — прежде всего, символы духовного опыта, полученного им на Святой Горе. Этот опыт нужно суметь не растерять в «беспредельно-пустынном море» (145) жизни. В дневнике, который Зайцев вел во время своего пребывания на Афоне, он также вспоминает гомеровскую метафору «по хребтам беспредельно пустынного моря» и дополняет ее рассуждениями, которые касаются образа Одиссея. Писатель говорит о том, что не понимал ранее этого героя, но спустя время, испытав сам многое и став таким же странником, проникся его судьбой: «Но впервые тогда я его пожалел, и потом не однажды в Италии, на морском берегу вспоминал, и всегда приходил этот стих: „по хребтам беспредельно-пустынного моря“. Подумать ведь, сколько лет проскитаться! И все с морем и на море! То циклопы, то бури, а там сирены, Цирцея...».² Пространство Афона выполняет бинарную функцию. С одной стороны, это место, куда устремляется Зайцев, покидая своих родных (тоска по жене и дочке пронизывает все письма, посланные им из этого путешествия). Но с другой стороны, это же место воспринимается автором как родной дом, куда нестерпимо хочется вернуться. Подтверждает эту мысль диалог, который Зайцев передает в своей записной книжке:

- Вот, сказал я, и Россия началась. Брюнет улыбнулся:
- Да, вы там Россию увидите, настоящую и даже очень
прежнюю, древнюю...³

Готовя очерки к изданию отдельной книгой, писатель исключает приведенный выше эпизод, но при этом в цикле

¹ Моторина А. А. Паломнические хождения ко святым местам с посещением горы Афон в русской литературной традиции // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 2(20). С. 9.

² Зайцев Б. К. На Афон. М., 2013. С. 171.

³ Там же. С. 129.

все же сохраняется идея православной веры как общего «дома» всех русских людей: «Утром пошел я на литургию в небольшую скитскую церковку, недалеко коридорами. Там было несколько сморщенных и согбенных старичков в рясах святой бедности. <...> В этом старческом, неголосистом хоре, в скудной утвари и скудных рясах, в бедном утре, хмурыми облаками несшемся над скитом с недостроенным небольшим храмом, так ясно сквозил облик простоты и нищества, камарни и несвежих фиг, жизни, лишенной всяческих „ублажений“ и „ласкательств“ — вечного духа монашеской Фиваиды, на этот раз исконно-русской» (138).

Как отмечает Баландина, «художественное пространство зайцевских произведений динамично, подчинено авторскому замыслу, имплицитно идею Гераклита о подвижности и изменчивости всего сущего. Организуется это художественное пространство вертикалью верх-низ (небо-земля). <...> Вертикаль „земля-небо“ определяет вектор движения зайцевских героев, направленного к постижению смысла бытия».¹ В книге «Афон» посредством образа моря намечается слияние этой вертикали. Так, в многочисленных пейзажных зарисовках Зайцев описывает море через цвето-световые переливы неба: «Уединенный берег, уединенный край, сизеющее в лиловатости море вечернее и там, за краем его — Афины, Франция, Париж...» (144). Кульминационный момент слияния неба с морем происходит в последнем очерке, во время беседы с отцом Кириком звучит мысль о «прозрачности» вод «афонского» моря: «— Самая прозрачная вода в мире. Обратите внимание. Так и говорится: светлые воды Архипелага! Видимо, ему нравились эти слова...» (145).

Таким образом, грань между небом и землей стирается подобно тому, как стирается граница между «дольним» и «горним» миром: «Можно любить музеи и библиотеки, как египетские пирамиды, как ночное море и как звезды. Как творение — в тишине и вечности» (140). В данном эпизоде наблюдается слияние мира природы во всей его пространственной полноте (верх — низ) и миром культуры,

¹ Баландина М. Б. Художественный мир Б. Зайцева: поэтика хронотопа. С. 24.

как творением человека. Таким образом, путешественник оказывается как бы вне пространства. Растворяется в нем до «чувства небытия».¹

Вместе с тем море воплощает Божью волю, которой нужно покориться и принять ее, как данность. Этот мотив получает развитие уже в первом очерке цикла, где автор пишет: «Как будем приставать в такую бурю? Ну, да впрочем, здесь уж все, как полагается. Это значило приблизительно то, что мудрить нечего, особенный мир, все равно своей волей и соображениями ничего не прибавишь» (77). Далее мысль о покорности судьбе или высшей силе в полной мере раскрывается в очерке «Новая Фиваида», где из-за разыгравшейся непогоды Зайцеву пришлось задержаться: «Все утро мы занимались тем, что выходили и смотрели, как ветер, как море. Поистине, в этой стране все в руке Божией, и нет Его воли, нечего и пытаться возвращаться».² Постепенно идея смиренного принятия воли Всевышнего от буквально-го пребывания писателя на Афоне распространяется на всю человеческую жизнь. Но принятие судьбы возможно только тогда, когда у человека есть вера в то, что «все образуется».

Особую циклообразующую роль в книге играет время, которое существует в нескольких планах. О. О. Кандрашкина в своих работах о поэтике хронотопа использует понятие «многомерность времени» и объясняет его следующим образом: «В тексте <...> возникают две временные оси — „ось рассказывания“ и „ось описываемых событий“». При этом „ось рассказывания“ является одномерной, тогда как „ось описываемых событий“ многомерна. Соотношение этих „осей“ порождает многомерность художественного времени и делает возможными временные смещения и множественности временных точек зрения в структуре текста».³ Очерки Зайцева создавались непосредственно на Афоне и сразу же по приезде писателя стали публиковаться отдельно в разных

¹ *Отрошенко В. О.* Гоголиана: Писатель и Пространство. М., 2016. С. 127.

² Там же. С. 138.

³ *Кандрашкина О. О.* Категория пространства времени и хронотопа в художественном произведении и языковые средства их выражения. С. 121.

эмигрантских изданиях. Однако при собирании их в цикл они все-таки приобрели характер целостного воспоминания. Осмысление путешествия сквозь призму времени стало основой очеркового единства («ось рассказывания»). В то же время, как справедливо указывает Кандрашкина, в очерках Зайцева время «многомерно», разнопланово («ось описываемых событий»): с описанием впечатлений от настоящего соседствуют экскурсы в историю Афона или отдельных его иноков, а также примешиваются размышления об эллинской культуре и дохристианской эпохе. Это стирание границ между далеким прошлым и сущим настоящим формирует в книге «Афон» циклическую многомерность времени. Таким образом, «в художественном мире <...> особое значение обретает прошлое, как начало всего сущего».¹ Отсюда постоянное стремление автора вспомнить свою прошлую жизнь, старую Россию, навсегда ушедшие эпохи. При этом в повествовательной модальности присутствует страх забвения не только личного, но и глобального: обращаясь к опыту Афона, Зайцев осмысляет смерть как переход в вечность. Так, оставаясь один, он ощущает тревогу: «Море похолодело, принимая стальной оттенок, закат побагровел, монастыри и монахи, Кирики и Пинуфрии ушли в смутно-лиловую влажную мглу. Все более оставались о них лишь воспоминания» (145). Эта «мгла» лишает воспоминания яркости, с течением времени они выцветают так же, как фотографии, которые рассматривал Зайцев в келье о. Нила.

На протяжении всего очерка меняется темпоральность повествования: настоящее время чередуется с прошедшим. Так, в первом и заключительном очерках цикла повествование ведется с использованием глаголов настоящего времени. Описывая свое путешествие по острову, Зайцев постоянно меняет временной план повествования, актуализируя мотив воспоминания. Особенно ярко это проявляется в очерке «Монастырь святого Пантелеймона», который начинается с описания снимка, сделанного в тот момент, когда писатель находился на Святой Горе. Воспоминания о проведенных

¹ *Баландина М. Б.* Художественный мир Б. Зайцева: поэтика хронотопа. С. 35.

там днях настолько живы, что постепенно читатель переносится вместе с писателем в то время и место, видит «...вход в обитель. Залитую солнцем четырехугольную сень, увенчанную куполом, всю увитую зеленью» (90), присоединяется к авторскому воспоминанию о пережитых минутах «...когда — столько раз — входил и выходил этими „тесными воротами“» (90) сам Зайцев. Сложность организации временных отношений в очерке объясняется тем, что автор «не закреплен» в настоящем, он как бы постоянно отталкивается от него и прорывается в вечность.

В контексте временных отношений также присутствует антитеза, выраженная категориями «вечности» и «конечности» бытия. Воплощением вечности в очерке становится Афон, который для Зайцева-художника одновременно является «островом молитвы» и культурно-историческим опытом всего человечества: «Так и не знаю до сих пор, с чем сравнить в точности, но косицы и рясы, древние иконы по стенам, литографии, пряность глико, раки, сладость языка, мягкость диванов, медлительная лень движений — все слилось в дальнюю, завековую экзотику» (82).

Интересно, что в книге отмечается особенный ход времени на Афоне, который как бы отделяет остров от «дольного» мира и одновременно сближает с миром природы, который воспринимается писателем как «горный». Он пишет о временных трансформациях на Святой Горе, которые проявляются и буквально: как только солнце садится, стрелки часов переводят на полночь, поэтому разница с «европейским» временем может достигать 5 часов. Отметим, что за 17 дней путешествия автор не смог слиться с этой жизнью. Он часто не спит ночью, встает в обеденное на Афоне время и проводит границу между собой и монахами: «...нам, людям, мирским, такая жизнь кажется невыносимой» (95). Так возникает мотив одиночества. Автор, несмотря на трепетное отношение к «острову молитвы», временами ощущает себя чуждым ему. При этом во время возвращения в «мир» это чувство одиночества не покидает: он оказывается так же отстранен от «спящего человечества корабля» (146), как был отстранен на Афоне: «Я не спал. Лежал в глубочайшей тишине монастыря на постели своей комнаты, не раздеваясь,

окруженный морем черноты и беззвучия, по временам переворачиваясь на ложе немягком, полумонашеском. Было такое чувство, что от обычной своей жизни, близких и дома отделен вечностью» (84).

В очерках Зайцева с поэтикой хронотопа неразрывно связана тема смерти, которая воплощается в нескольких смысловых регистрах: смерть человека, культуры и эпохи. Эта тема актуализируется в двух сюжетах: посещении автором гробницы Андреевского скита и в разговоре с кукушкой. В очерке «Андреевский скит», слыша звуки кукушки, путешественник мысленно задает вопрос: «Кукушка, кукушка, сколько мне лет жить?» (90) Хотя сама формулировка вопроса не включает в себя слова с лексическим значением конечности бытия, это все-таки подразумевается. Таким образом, задаваясь вопросом о длительности жизни, писатель признает конечность земного существования человека: «„Яко крин сельный, тако отцветет“ — сказано о них, о человеке. Знаю, что отцветет» (142). Заметим, что в этом обращении к кукушке прослеживается также связь с русской фольклорной традицией, что позволяет говорить о национальном культурном коде в картине мира писателя, связывающем его не только с родиной, но и с давно минувшими эпохами, продолжающими бытовать в образно-символической системе отдельного человека и всего народа.

Противоположным по смысловому звучанию эпизодом является посещение гробницы Андреевского скита, который становится своеобразным ответом на вопрос кукушке. Зайцеву важно узнать не столько традиции захоронения на Афоне, сколько понять отношение монахов к смерти: «Он говорит просто, обыденно. Что же, смерть есть смерть — нечего ни бояться ее, ни ей удивляться. К останкам умерших отнесемся спокойно, с благоговением. Взором участливым, непредупрежденным оценим душевную чистоту того или иного другого из братии» (143). Такое же значение имеет и сцена в монастырской библиотеке и рассматривание старых фото о. Нила: «Его студия увешана изображениями — попытками остановить поток» (141). Под «потоком» здесь следует понимать неумолимо ускользающие дни, годы, эпохи и вместе с ними человеческие жизни. При этом смерть не тождествен-

на окончанию всего сущего. Она является лишь переходом из мира «дольнего» в «горный», еще одним путешествием во времени и пространстве.

Мотив смерти (как забвения) и бессмертия (как вечной памяти) находит выражение в сюжетно-образном плане. «И отъезд из места и от людей, навсегда уходящих, есть как бы частичная смерть: ведь и Афон, и его жители стали теперь для меня елисейскими тенями» (144). В данном эпизоде тема смерти приобретает драматические оттенки, но противостоять конечности можно лишь посредством памяти. Именно это Зайцев находит на Афоне: память как средство не просто возврата в прошлое, а перенесение этого прошлого в настоящий момент. На Афоне все пронизано памятью, даже монахи говорят о живших здесь несколько веков ранее подвижниках так, будто они знали их лично: «О. Пинуфрий умолк. Можно было подумать, что со св. Иоанном, сладчайшим певцом и музыкантом Господним, был он знаком лично» (112).

Авторские размышления о былом кажутся, на первый взгляд, разнородными и импрессионистичными. Они имеют как фактологический, так и ассоциативный характер. При этом наблюдается их имманентное единство, связанное с философским осмыслением быстротечности времени и неумолимо ускользающего настоящего момента: «Былое, все былое! Князья и митрополиты и адмиралы, давно, наверно, уж отчалившие на иных судах в страны иные. Профессора и археологи <...> — вряд ли кто жив еще. Студенты, семинары-экскурсанты — теперь, пожалуй, почтенные протоиереи, а возможно, мученики. Пройдет полвека и на наш снимок — меня и о. Пинуфрия, собирающихся в путь, — иной заезжий так же не без грусти взглянет» (141).

При этом опыт, который получил автор на Афоне, постепенно прорастает в его душе, как пишет А. А. Лазарев: «17 дней на Святой земле расширили земное пространство до бесконечности, возвысили авторское видение до молитвенного созерцания».¹ Это доказывают последние строки книги: «В час пустынный, пред звездами, морем, можно снять

¹ Лазарев А. А. Паломнические стратегии Б. К. Зайцева периода эмиграции. С. 17.

шляпу и, перекрестившись, вспомнив о живых и мертвых, кого почитал, любил, к кому был близок, вслух прочесть молитву Господню» (147). Этот заключительный аккорд утверждает мысль о том, что «временной поток, показанный как непрерывный и неисчерпаемый, дает понимание жизни как вечного круговорота, а смерть воспринимается как часть бесконечного».¹

Исходя из представленных выше наблюдений, можно сделать следующие выводы. Одной из художественных скреп в книге «Афон» является хронотоп, который реализуется в мотивах пути, странничества. Многими исследователями был отмечен «дантовский код»² в творчестве писателя. Здесь образ путешественника, искателя истины, Данте, также присутствует и становится движущей силой сюжета. В итоге фактическое путешествие на Афон становится основой для ментального перемещения во времени и пространстве, которое сопряжено с духовным поиском. Как справедливо заметила Баландина, «в художественном мире Б. Зайцева основным типом героя является „человек становящийся“, сосредоточенный на поисках нравственных ориентиров и своего предназначения».³ Концептуально значимыми в повествовании становятся образы Афона, моря и неба. Совершенное паломничество на Афон может рассматриваться как путь к постижению истины, через принятие земных испытаний. Фиксируя то, что зримо, в своих путевых очерках Зайцев переходит к онтологическим проблемам бытия человека, создает воображаемые, абстрактные миры и эпохи. Этому способствует не только образно-топонимическая система книги, но и восприятие писателем категории «время»: «прошлое на движается на настоящее и настоящее есть то, что было в прошлом».⁴ Понимание данных мотивов, глубокое толкование их

¹ Баландина М. Б. Художественный мир Б. Зайцева: поэтика хронотопа. С. 38.

² Глушкова Н. Б. Паломнические «хождения» Б. К. Зайцева: Особенности жанра: Дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 1999. С. 44.

³ Баландина М. Б. Художественный мир Б. Зайцева: поэтика хронотопа. С. 56.

⁴ Жаравина Л. В., Лазарев А. А. Российский хронотоп в духовном измерении русской эмиграции (1920–1930-е гг.). С. 159.

возможно только при восприятии книги «Афон» как целого. Несмотря на то что некоторые очерки носят законченный характер с точки зрения своего композиционно-сюжетного строения, их идейная составляющая раскрывается в полной мере исключительно при целостном восприятии и изучении книги. Это позволяет говорить о том, что Зайцев писал не просто путевые записки, главной целью которых было бы познакомить читателей с миром Афона, но пытался решить в своем произведении волнующие его философские вопросы.

Таким образом, «хронотоп пути» в книге очерков становится одним из важнейших факторов циклизации. Он во многом определяет жанрово-стилистическое своеобразие очеркового единства, созданного писателем-эмигрантом, и опосредованно транслирует авторскую аксиологию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баландина М. Б.* Художественный мир Б. Зайцева: поэтика хронотопа: Дисс. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2003.
2. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. М., 1975. С. 234–407.
3. *Воропаева Е. В.* «Афон» Бориса Зайцева // Литературная учеба. 1990. № 4. С. 33–35.
4. *Глушкова Н. Б.* Паломнические «хождения» Б. К. Зайцева: Особенности жанра: Дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 1999.
5. *Егоров О. Г.* Литературный дневник XIX века. (История и теория жанра): Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2003.
6. *Жаравина Л. В., Лазарев А. А.* Российский хронотоп в духовном измерении русской эмиграции (1920–1930-е гг.) // Славянские чтения. Научно-теоретический журнал. 2018. № 12(18). С. 157–169.
7. *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 26–50.
8. *Захарова В. Т.* Поэтика прозы Б. К. Зайцева. Нижний Новгород, 2014.
9. *Кандрашкина О. О.* Категория пространства времени и хронотопа в художественном произведении и языковые средства их выражения // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 2/5. С. 1217–1221.
10. *Котович Т. В.* Развивая теорию хронотопа // Хронотоп и окрестности: Юбилейный сборник в честь Николая Панькова = Chronotope

- and Environs: Festschrift for Nikolay Pan'kov / под ред. Б. В. Оревова. Уфа, 2011. С. 130–145.
11. *Крайнова Н. В.* Роль автора в путевом паломническом очерке // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты. Материалы V Международной научной конференции. Тольятти, 2015, С. 211–216.
 12. *Лазарев А. А.* Паломнические стратегии Б. К. Зайцева периода эмиграции: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2022.
 13. *Лихачёв Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С. 232–405.
 14. *Лотман Ю. М.* Символические пространства // Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 239–296.
 15. *Любомудров А. М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб., 2003.
 16. *Отрошенко В. О.* Гоголиана. Писатель и Пространство. М., 2016.
 17. *Прокофьев Н. И.* Хождение: путешествие и литературный жанр // Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984. С. 5–20.
 18. *Прохоров Г. М.* Игумен Даниил и его «Хождение» в русской духовной традиции // Доклад на Международной научно-общественной конференции «Иерусалим в русской духовной традиции». См.: http://www.religare.ru/2_27295.html (дата обращения — 03.10.2022).
 19. *Субботина Т. В.* Локус, топос, урбоним, микротопоним: к вопросу о содержании пространственных понятий // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. № 24(239). Вып. 57. С. 111–113.
 20. *Темирболат А. Б.* Категория хронотопа в свете современных научных концепций литературоведения. СПб., 2012. С. 6–9.
 21. *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–285.
 22. *Тороп П. Х.* Словарь терминологии тартуско-московской семиотической школы. См.: <http://slovar-lib-ru-dictionary-hronotop.html> (дата обращения — 12.08.2022).
 23. *Фаликова Н. Э.* Хронотоп как категория исторической поэтики // Пробл. ист. поэтики. Петрозаводск, 1992. Вып. 2. С. 45–57.
 24. *Хайруллина О. Н.* «Путешествие ко святым местам в 1830 году» А. Н. Муравьева: черты паломнического очерка // Материалы конференции «Диалог литератур в условиях межкультурного общения». Дальневосточный гос. гуманитарный ун-т, 2006. С. 29–37.
 25. *Хализев В. Е.* Время и пространство // Теория литературы: Учебник. М., 2004. С. 229–233.

REFERENCES

1. *Balandina M. B.* Hudozhestvennyj mir B. Zajceva: poetika hronotopa: Diss. ... kand. filol. nauk. Magnitogorsk, 2003. (In Russ.)
2. *Bahtin M. M.* Formy vremeni i hronotopa v romane. Oчерki po istoricheskoi poetike. M., 1975. P. 234–407. (In Russ.)
3. *Egorov O. G.* Literaturnyj dnevnik XIX veka. (Istoriya i teoriya zhanra): Diss. ... d-ra filol. nauk. M. 2003., (In Russ.)
4. *Falikova N. E.* Hronotop kak kategoriya istoricheskoi poetiki // Probl. ist. poetiki. Petrozavodsk, 1992. Vyp. 2. S. 45–57. (In Russ.)
5. *Glushkova N. B.* Palomnicheskie «hozheniya» B. K. Zajceva: Osobennosti zhanra: Diss. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1999. (In Russ.)
6. *Hajrullina O. N.* «Puteshestvie ko svyatym mestam v 1830 godu» A. N. Murav'eva: cherty palomnicheskogo oчерka // Materialy konferencii «Dialog literatur v usloviyah mezkul'turnogo obshcheniya». Dal'nevostochnyj gos. gumanitarnyj un-t, 2006. S. 29–37. (In Russ.)
7. *Halizev V. E.* Vremya i prostranstvo // Teoriya literatury: Uchebnik. M., 2004. P. 229–233. (In Russ.)
8. *Kandrashkina O. O.* Kategoriya prostranstva vremeni i hronotopa v hudozhestvennom proizvedenii i yazykovye sredstva ih vyrazheniya // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2011. Vol. 13. № 2/5. P. 1217–1221. (In Russ.)
9. *Kotovitch T. V.* Razvivaya teoriyu hronotopa // Hronotop i okrestnosti: Yubilejnij sbornik v chest' Nikolaya Pan'kova = Chronotope and Environs: Festschrift for Nikolay Pan'kov / Ed. By B. V. Orekhova. Ufa, 2011. P. 130–145. (In Russ.)
10. *Krajnova N. V.* Rol' avtora v putevom palomnicheskom oчерke // Tekst: filologicheskij, sociokul'turnyj, regional'nyj i metodicheskij aspekty. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Tol'yatti, 2015. P. 211–216. (In Russ.)
11. *Lazarev A. A.* Palomnicheskie strategii B. K. Zajceva perioda emigracii: Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2022. (In Russ.)
12. *Lihachyov D. S.* Poetika drevnerusskoj literatury. L., 1971. P. 232–405. (In Russ.)
13. *Lotman Y. M.* Simvolicheskie prostranstva // Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya. M., 1996. P. 239–296. (In Russ.)
14. *Lyubomudrov A. M.* Duhovnyj realizm v literature russkogo zarubezh'ya: B. K. Zajcev, I. S. Shmelev. SPb., 2003. (In Russ.)
15. *Otroshenko V. O.* Gogoliana. Pisatel' i Prostranstvo. M., 2016. (In Russ.)

16. *Prohorov G. M.* Igumen Daniil i ego «Hozhdenie» v russkoj duhovnoj tradicii // Doklad na Mezhdunarodnoj nauchno-obshchestvennoj konferencii «Ierusalim v russkoj duhovnoj tradicii». Sm.: <http://www-religare.ru-2-27295.html> (data obrashcheniya — 03.10.2022). (In Russ.)
17. *Subbotina T. V.* Lokus, topos, urbonim, mikrotoponim: k voprosu o sodержanii prostranstvennyh ponyatij // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie. 2014. Vyp. 57. № 24(239). P. 111–113. (In Russ.)
18. *Temirbolat A. B.* Kategoriya hronotopa v svete sovremennyh nauchnyh koncepcij literaturovedeniya. SPb., 2012. P. 6–9. (In Russ.)
19. *Toporov V. N.* Prostranstvo i tekst // Tekst: semantika i struktura. M., 1983. P. 227–285. (In Russ.)
20. *Torop P. H.* Slovar' terminologii tartusko-moskovskoj semioticheskoj shkoly. Sm.: <http://slovar.lib.ru/dictionary/hronotop.html> (data obrashcheniya — 12.08.2022). (In Russ.)
21. *Voropaeva E. V.* «Afon» Borisa Zajceva // Literatutnaja ucheba. 1990. № 4. P. 33–34. (In Russ.)
22. *Zaharova V. T.* Poetika prozy B. K. Zajceva. Nizhnij Novgorod, 2014.
23. *Zamyatin D. N.* Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodejstvie sovremennyh gumanitarnyh nauk // Sociologicheskoe obozrenie. 2010. Vol. 9. № 3. P. 26–50. (In Russ.)
24. *Zharavina L. V., Lazarev A. A.* Rossijskij hronotop v duhovnom izmerenii russkoj emigracii (1920–1930-e gg.) // Slavyanskije chteniya. Nauchno-teoreticheskij zhurnal. 2018. № 12(18). P. 157–169. (In Russ.)